

А. А. Бестужев-Марлинский. Второй вечер на бивуаке

OCR: Pirat

Доп. правка: В. Есаулов, сентябрь 2004

**Орудий заряженных строй
Стоял с готовыми громами;
Стрелки, припав к ним головами,
Дремали, и под их рукой
Фитиль курился роковой.**

Жуковский

Эскадрон подполковника Мечина прикрывал две пушки главного пикета, расположенного на высотах***. Сырой туман стлался по окрестности, резкий ветер пронизал насквозь. Офицеры лежали вокруг дымного огня. Конноартиллерийский поручик сидел на колесе орудия; подполковник, опершись на длинную саблю свою, стоял в задумчивости. Все молчали.

- Какое вещественное создание человек! - начал штабс-ротмистр Ничтович. - Каждая игрушка его тешит, каждая безделица огорчает. Малейшая боль расстраивает нравственные способности, и перемена погоды действует на расположение его духа. Давно ли мы были веселы, пели, резвились; подул холодный ветер - и вместе с небом нахмурились наши брови, и говоруны сидят будто в Пифагоровой школе молчания.

- Не ручаюсь за других, - возразил Лидин, - но покуда старость и подагра не сделали из меня барометра, погода не имеет на меня никакого влияния. Когда я доволен, то, по мне, хоть трава не расти: снег, град, дождь, вьюга - все праздник. Но ежели грустно на сердце, то и светлый день досажен. Тогда кажется, будто все веселы назло мне, и я становлюсь прихотлив, как невеста.

- Следовательно, - сказал штабс-ротмистр, - погода действует на тебя в обратном порядке, но тем не менее влияние оной существует.

- Не думаю, - отвечал Лидии, - это чувство есть следствие внутренних, а не внешних ощущений, и до тех пор будет иметь место, покуда перевес останется на его стороне. Например, я люблю смотреть на играющую молнию, люблю слушать вой грозы и шум проливного дождя... но почему люблю я это?

- Потому что ты чудак, - перебил штабс-ротмистр. - Впрочем, как сам изъясняешься, ты любишь не испытывать, но только смотреть, только слушать бурю, как Вернетову картину или Моцартову ораторию.

- Прошу извинить, господин штабс-ротмистр, я люблю наслаждаться ею на чистом воздухе, в лесу, на горах. Но возвращаюсь к причине. Я люблю это по приятным воспоминаниям, которые роятся во мне от бури. Однажды, например... ах! для чего это было только однажды!..

- Для того, - перебил Ничтович, - что в Кургановой арифметике весьма замысловато сказано: единожды един - един, а не два.

Все засмеялись; но Лидин с улыбкою продолжал:

- Надеюсь, господин штабс-ротмистр простит мне это восклицание: оно вырвалось из сердца, а сердце плохой арифметик.

- Не знаю, каково твое, - отвечал, смеючись, Ничтович, - но мое даже под ядрами так верно отсчитывает шестьдесят секунд в минуту, как патентовые часы.

- Во время сражения мне некогда бывало заниматься проверкою своего пульса, - хладнокровно заметил Лидин.

Это замечание задело за живое штабс-ротмистра; он уже с приметною досадою спросил:

- Конечно, ты за эскадроном в замке строил воздушные замки?

- Дурная игра слов, Ничтович! - сказал подполковник дружески, желая замять ссору, которая бы наверное кончилась саблями. - Пустая игра слов, да и предмет ее не слишком хороший. Вы подсмеиваетесь друг над другом насчет отваги; но я желаю знать, кто бы из всей армии осмелился подумать, не только сказать, что в нашем эскадроне есть кто-нибудь двусмысленной храбрости.

- Пусть мне французский флейтщик пред разводом выбреет усы, если это неправда! - вскричал ротмистр

Струйский, который, лежа на попоне, казалось, слушал только, как растет трава. - Вам грешно, господа, в нашей беззаветной беседе говорить колкости или обращать шутки в дело... Ну, други! мировую!.. А если ж вы не поцелуетесь, то ты, Лидии, не зови меня никогда в секунденты, а ты, Нилтович, вперед не узнаешь, длинны или коротки стремена на моем Черкесе, когда нужно будет понаездничать.

- Помилуй, Струйский, с чего ты взял, будто мы ссоримся! - сказал